

ОБ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Андрей Анатольевич ЗАЛИЗНЯК,

академик РАН по секции литературы и языка Отделения истории и филологии

Сегодня стоит коротко рассказать о том, чего недостает в школьных программах, — об истории русского языка.

Курс истории русского языка в полном объеме читается в университетах иногда год, иногда два года, так что сами понимаете, что это такое в полном объеме. Попробовать, тем не менее, за одно занятие рассказать вам обо всем этом что-то существенное — задача несколько дерзкая. Но я думаю все-таки, что это не бессмысленно, хотя придется, конечно, разные стороны дела из такого обширного предмета упоминать очень поверхностно. Надеюсь, что каким-то образом это расширит ваши представления о том, как формировался язык, которым все мы с вами владеем. Кое-что мне придется повторить из того, что я в этой аудитории уже немножко рассказывал по другому поводу, поскольку это связанные вещи, но вы уж потерпите. Точно так же мне придется среди прочего рассказывать какие-то общеизвестные вещи. Значительная часть присутствующих должна уже их знать, но опять-таки — будьте сдержанны, поскольку для цельности они иногда нам будут необходимы. Итак, разговор пойдет об основных темах, возникающих при изучении истории русского языка.

Первое маленькое предварительное отступление состоит в том, чтобы еще раз (потому что об этом я уже с вами разговаривал) ответственно объявить чепухой многочисленные выдумки о бесконечной древности русского языка. О том, что русский язык существовал три тысячи лет назад, пять тысяч лет назад, семь тысяч лет назад, семьдесят тысяч лет назад, — в разных сочинениях вы можете найти подобные утверждения. Про тех, кто увлекается этого рода выдумками, замечательно было сказано, что это теории того, как человек произошел от русского.

На самом деле история всякого языка с определенным названием: французского, русского, латинского, китайского — это история того периода времени, когда существует это его название. Причем прочертить какую-то четкую границу, которая отделяет язык от предыдущего этапа его существования, мы не можем. Смена поколений с маленькими изменениями от одного поколения к другому происходит непрерывно во всей истории человечества в каждом языке, и, безусловно, наши родители и наши деды говорят с нашей точки зрения на том же языке, что мы. От мелочей мы отвлекаемся и в общем верим, что двести лет назад или четыреста лет назад говорили на том же языке. А дальше уже начинаются некоторые сомнения.

Можете ли вы сказать, что наши предки, которые жили тысячу лет назад, говорили на том же языке, что и мы? Или всё-таки уже не на том же? Заметим, что, как бы вы ни решили этот вопрос, у этих людей тоже были свои предки, жившие на тысячу, две, три тысячи лет раньше. И каждый раз от поколения к поколению изменение языка было незначительным. Начиная с какого момента мы можем говорить, что это уже русский язык, а не его дальний предок, который — и это очень существенно — является предком не только нашего русского языка, но также и ряда родственных языков?

Все мы знаем, что русскому языку близко родственны украинский и белорусский. Общий предок этих трех языков существовал — по меркам истории — не так уж давно: всего лишь примерно тысячу лет назад. Если вы возьмете не тысячу, а три тысячи лет, пять тысяч лет и так далее вглубь древности, то окажется, что люди, к которым мы восходим чисто биологически, являются предками не только нынешних русских, но и ряда других народов. Тем самым ясно, что история

собственно русского языка не может продлеваться бесконечно вглубь времен. Где-то мы должны установить некоторую точку условного начала.

Реально такой точкой практически всегда бывает момент, когда первый раз фиксируется нынешнее название языка. То есть временные границы оказываются здесь связанными не с сутью самого языка как средства общения, а с тем, что люди, которые на нем говорят, называют себя каким-то термином. И в этом смысле разные языки имеют очень разную глубину истории. Например, армянский язык называется тем же самым именем *хай*, что и сейчас, уже в течение нескольких тысяч лет. Какие-то другие языки имеют в этом смысле сравнительно недавнюю историю. Для русского языка это период примерно несколько больше тысячи лет, поскольку первые упоминания слова *русь* относятся к концу первого тысячелетия нашей эры.

Не буду вдаваться в сложную историю того, откуда взялось само слово. По этому поводу имеется несколько теорий. Самая распространенная и самая вероятная из них — теория скандинавская, состоящая в том, что само слово *русь* по происхождению не славянское, а древнескандинавское. Есть, повторяю, и конкурирующие гипотезы, но в данном случае речь идет не об этом, важно то, что само это название начинает упоминаться в IX–X вв. и первоначально явно применяется еще не к нашим этническим предкам, а к скандинавам. Во всяком случае, в греческой традиции слово *рос* обозначает норманнов, а наших славянских предков оно начинает обозначать лишь примерно с X–XI вв., переходя на них от наименования тех варяжских дружин, которые приходили на Русь и из которых происходили князья Древней Руси.

Начиная примерно с XI в. это название распространяется на славяноязычное население территории вокруг Киева, Чернигова и Переславля Южного. В течение определенного периода истории восточного славянства термин *Русь* обозначал сравнительно небольшое пространство, примерно соответствующее нынешней северо-восточной Украине. Так, новгородцы долгое время вовсе не считали себя русскими, не считали, что слово *Русь* относится к их территории. В новгородских берестяных грамотах, а также и в летописях до некоторого времени встречаются рассказы о том, что такой-то епископ в таком-то году отправился в Русь из Новгорода, то есть поехал на юг, в Киев или Чернигов.

Это легко проследить по летописям. Такое словоупотребление нормально для XI, XII, XIII вв. и только в XIV в. мы впервые видим, что новгородцы, сражаясь с какими-то своими внешними врагами, называют себя в летописи русскими. Дальше это название расширяется, и примерно с XIV в. оно уже соответствует всей восточнославянской территории. И хотя в это время на этой территории уже существуют зачатки трех разных будущих языков, все они одинаково называются русскими.

Примечательным образом позже снова наступает сужение этого термина: сейчас мы именуем русскими только часть восточнославянского населения, а именно ту, которая может иначе называться великорусской. А два других языка на этой территории: белорусский и украинский — уже сформировались как самостоятельные языки, и слово *русский* в широком смысле к ним больше обычно не применяется. (Правда, еще примерно лет двести назад нормальным было такое словоупотребление, что всё это — русское население, у которого имеется великорусская часть, малорусская [ныне украинская] часть и белорусская часть.) Вот таким образом сперва произошло расширение, а затем сужение термина «русский».

У большинства из вас представление о родословном древе русского языка в той или иной степени есть, но всё же я эти сведения кратко повторю. Ныне это генеалогическое древо в упрощенном виде должно быть выведено из некоего реконструируемого древнейшего языка, именуемого ностратическим, к которому восходят языки очень значительной части жителей земного шара. Он существовал очень давно; оценки различаются, но, видимо, порядка двадцати пяти тысяч лет назад.

Одна из ветвей его — это ветвь индоевропейская, в которую входит большая часть языков Европы и Индии, откуда и само название *индоевропейские языки*. В Европе их безусловное большинство, в Индии — значительная часть, но тоже, в общем, большинство. На востоке это индийская и иранская группы; в Европе — латынь с возникшими из нее романскими языками: французским, итальянским, испанским, португальским, румынским; и греческая ветвь, которая в древности представлена древнегреческим языком, а ныне — новогреческим. Далее германская ветвь: это немецкий, шведский, норвежский, датский, исландский, английский; и балто-славянская ветвь, объединяющая балтийские языки и славянский. Балтийские это латышский, литовский и вымерший ныне древнепрусский. Славянская, достаточно вам известная, традиционно делится на три группы: южнославянские, западнославянские и восточнославянские языки.

Сейчас к этому традиционному членению славянских языков возникают некоторые коррективы, но традиционная схема именно такова. Южнославянские языки — это болгарский, сербский, словенский, македонский; западные — польский, чешский, словацкий, лужицкие. А восточнославянские языки, первоначально единые по традиционной схеме, — это русский (иначе великорусский), украинский и белорусский.

После этого общего введения коснемся уже некоторых более технических сторон истории языка. Прежде всего следует понимать, что язык — это необычайно сложный механизм, который включает в себя ряд аспектов, в каждом из которых возможно некоторая специфика и некоторая динамика и неустойчивость. Это прежде всего разнообразие стилей одного и того же языка. В пределах любого языка есть то, что можно назвать высоким стилем или хорошим литературным языком, и есть противоположный полюс — просторечие, вульгарная речь. Между ними есть разного рода промежуточные пласты типа разговорного, бытового языка. Всё это в полной мере наблюдается и в русском языке, в том числе в настоящий момент, как и в любой момент истории.

Это одна сторона дела. Другая сторона дела состоит в том, что любой язык неоднороден в диалектном смысле, в любом языке имеется большое разнообразие местных говоров, а иногда и даже довольно сильно различающихся между собой диалектов. С этой точки зрения языки могут быть разными, то есть более или менее монолитными. Есть языки, в которых различия так велики, что взаимное понимание вовсе не просто. Пример — современная Италия, где говор крайнего юга и говор севера, допустим Венеции, настолько значительно различаются, что понимание между ними хотя и возможно, но вполне может быть затруднительно. А общей для них является именно литературная форма языка. Такая же ситуация и во многих других языках мира. Особенно сильна она в китайском языке, где северный и южный диалекты в своем устном воплощении фактически не дают возможности прямого взаимопонимания. В каких-то других языках ситуация более благополучная. Так, в русском языке различия говоров невелики, у носителя литературного языка особых проблем в понимании даже при общении с самыми дальними говорами нет. Каких-то слов, конечно, мы не поймем, в каких-то случаях могут быть отдельные недоразумения, но в целом всё же эта дистанция сравнительно невелика.

Но, повторяю, различия говоров и диалектов существуют в любом языке. Тем самым сосуществуют несколько различные языковые механизмы, взаимодействующие друг с другом и порождающие разные непростые эффекты в том, как складывается центральная литературная форма языка. Литературный язык, как правило, до какой-то степени впитывает элементы разных говоров. Редко бывает, чтобы литературный язык в точности совпадал с говором, допустим, столицы государства, как иногда кажется на первый взгляд. Точно так же и для русского языка ситуация такова, что хотя наш с вами литературный язык очень близок к говорам московской области, он всё же не совпадает с ними полностью. Он впитал в себя целый ряд элементов более удаленных к северу, к югу, к востоку и к западу.

Далее. Сложность механизмов функционирования любого языка определяется тем, что никакой язык не существует в полной изоляции от соседей. Даже в таких крайних случаях, как, допустим, Исландия — островная страна, где, казалось бы, никаких контактов с соседями нет, — всё-таки какие-то связи существуют. Кто-то ездит из Исландии во внешний мир, кто-то приезжает в Исландию и приносит с собой какие-то элементы иностранной речи. Так что даже исландский

язык, хотя он более чем какой бы то ни было другой защищен от иностранных влияний, эти влияния всё же в какой-то степени воспринял.

Что же касается языков, тесно общающихся друг с другом на соседних территориях, то тут взаимное влияние и взаимное проникновение бывает очень активным. Особенно активно оно там, где имеется двусоставное, трехсоставное или многосоставное население на одной и той же территории. Но даже если государственные и этнические границы выражены относительно четко, контакты всё-таки достаточно интенсивны. Это выражается, прежде всего, в проникновении в любой из языков какого-то количества иностранных слов. А более глубокое влияние состоит в проникновении некоторых элементов грамматической структуры соседних языков.

В частности, русский язык, не отделенный от своих непосредственных соседей никакими морями, всегда с ними интенсивно контактировал и в направлении запада, и в направлении востока, отчасти в направлении юга и даже до некоторой степени в направлении севера, хотя там население уже не такое плотное. Так что в современном русском языке имеются следы влияний практически со всех четырех сторон света.

Вообще степень иностранных влияний в разные моменты жизни языкового сообщества или данного государства может быть очень разной. Понятно, что эти влияния становятся особенно интенсивными во времена, например, иностранной оккупации или при массивном внедрении нового населения на какую-то часть старой территории и т. п. А в спокойные периоды слабого общения они будут менее интенсивными. Кроме того, нередко бывает, что большему или меньшему иностранному влиянию могут сильно способствовать или наоборот противостоять чисто внутренние события в истории данного сообщества. Совершенно очевидно, что в последние примерно двадцать лет русский язык находится в состоянии необычайно активного впитывания иностранных элементов, прежде всего английских, — с интенсивностью, во много раз превосходящей то, что было всего лишь полвека назад. Это происходит в связи с крупными социальными изменениями, открытием международных контактов в таком масштабе, который был немыслим еще два-три десятилетия назад. Происходит внедрение новой техники, новых элементов иностранной цивилизации и т. д. Все мы это ощущаем на себе.

Такие периоды бывали и в прошлом. Был, скажем, в истории русского языка период интенсивного проникновения элементов французского языка, в более раннюю эпоху — интенсивного проникновения элементов немецкого, а еще раньше — интенсивного проникновения элементов польского.

Приведу кое-какие иллюстрации того, как разнообразно подпитывался современный русский язык словами из других соседних языков. Конечно, влияния касаются не только слов, но об этом рассказывать сложнее, а слова как раз вещь очень наглядная.

Эту историю можно начинать с любой точки — собственно с русского языка или, углубившись в прошлое дальше, с праславянского языка. Можно, вообще говоря, рассматривать даже заимствования праиндоевропейского времени, но это для нас будет слишком далеко. Если начать с праславянского, то существенно указать, что в нем имеется значительный пласт германских заимствований, которые в дальнейшем сохранились не только в русском языке, но и во всех славянских языках. Они прижились и стали частью собственно славянского лексикона.

Сейчас про некоторые из них нам даже трудно поверить, что это не исконно русские слова; но историческая лингвистика неумолимо показывает, что многие слова имеют именно такое происхождение. Например, слово *князь*, как это ни удивительно, есть в точности то же самое слово, что немецкое *König* или английское *king*. Его древняя форма *kuningaz*, которая и была заимствована, со временем дала русское слово *князь*. Или, скажем, слово *хлеб* — это то же самое слово, что английское *loaf* "булка". Данное заимствование, скорее всего, следует относить к периоду широкой экспансии готов, когда эти активные германские племена владели огромными территориями практически всей современной Украины, значительной части Балкан, Италии,

Испании, части Франции и т. д. Так что нет ничего удивительного в том, что во всех языках перечисленных стран остались какие-то следы древнего готского владычества.

О Крыме стоит упомянуть специально, поскольку в Крыму готы дожили до XVI в. Голландский дипломат XVI в. Бусбек с изумлением обнаружил, что понимает некоторые слова в речи жителя Крыма, говорящего на неизвестном языке. Это оказался крымско-готский язык, самый поздний остаток вымершего во всех остальных местах готского языка.

Германскими заимствованиями в славянском являются также, например, слово *полк* или глагол *купить*; в современном немецком соответствующие древнегерманские слова дали *Volk* "народ" и *kaufen* "покупать".

Тут нужно указать, что если слово заимствовано из германского, то германское слово в самом германском не обязательно было исконным. Часто оно само было заимствованием откуда-то еще. Так, германское слово, давшее немецкое *kaufen*, — это заимствование из латыни. А исконно ли соответствующее слово в латыни — это еще вопрос дискуссионный. Ведь нередко оказывается, что латинские слова заимствованы из греческого, а греческие — из египетского.

Возьму слово из другого ряда: *изумруд*. Первоначальные истоки его устанавливаются не вполне надежно. Скорее всего, первоисточником был какой-то семитский язык, откуда слово было заимствовано в санскрит. Из санскрита оно во время походов Александра Македонского было заимствовано в греческий, из греческого — попало в арабский, из арабского — в персидский, из персидского — в турецкий, а из его турецкой формы происходит русское слово *изумруд*. Так что здесь лингвистика может установить шесть или семь этапов «путешествия» этого слова. Некоторая часть иностранных заимствований не вызывает у нас никакого удивления. Например, определенный плод мы называем *киви*. Ясно, что слово нерусское. Еще сравнительно недавно никто не подозревал о том, что такое существует. Какие-нибудь лет 20–30 назад этого слова не было, потому что предмета не было. То есть, когда сам предмет приходит из какой-то дальней страны, довольно очевидно, что он приходит вместе со своим названием. И тогда совершенно естественно, что мы называем его так, как называли там. Таких примеров в русском языке огромное количество, многие сотни. Возможно, даже и тысячи.

Но, конечно, гораздо сильнее впечатляют примеры типа *хлеб*, или *полк*, или *князь*, где кажется, что всё это наше собственное. Скажем, слов *буква* тоже является древнегерманским заимствованием. Это то же самое слово, что название дерева *бук*. Первоначально были деревянные буковые таблички, на которых что-то вырезалось, и, соответственно, сам вырезанный на них знак носил то же название. И вот в русском языке есть оба слова: и *бук*, и *буква* — оба заимствованы из германского.

Еще пример: слово *осёл*; но про него еще можно сказать, что это животное все-таки не на каждом шагу встречается в русских краях, то есть его можно отнести к категории экзотических животных. Но в каких-то других случаях это не получится. Так, германскими заимствованиями являются также слова *стекло*, *котёл*, *художник*, *хижина* и многие другие.

Не буду перечислять заимствования из греческого, они были на протяжении всего существования русского языка. Самые древние из них касаются еще довольно простых слов, например *корабль* или *парус*. *Парус* — это то же самое слово, что греческое *фарос*, — в славянском исполнении. В большом количестве имеются греческие заимствования среди слов высокого стиля. Часть из них заимствованы непосредственно (скажем, *евхаристия* из церковного лексикона), часть — путем калькирования, то есть передачи исходного слова славянскими средствами (*благословение*, *благочестие* и т. п. — всё это кальки, точные эквиваленты греческих сложных слов с их составными частями).

На протяжении длительной истории, начиная еще с праславянского времени и дальше практически до настоящего дня, наблюдается сильное влияние восточных языков на русский. В

этом смысле евроазиатское положение русского языка, имеющего, с одной стороны, контакты в направлении запада, с другой стороны — в направлении востока, сказывается в языке очень отчетливо. Иногда восточные заимствования огрубленно называют татарскими, но это очень условно. В широком смысле они тюркские, поскольку тюркских языков, которые контактировали с русским, много. Это и турецкий, и татарский, и чувашский, и башкирский, и чагатайский — древний литературный язык Средней Азии, и кыпчакский язык половцев, с которыми наши предки контактировали с древности, и язык печенегов. Так что часто не удается установить, из какого конкретно тюркского языка заимствовано то или иное слово, поскольку эти языки близко родственны между собой. Важно то, что этот фонд таких слов в русском языке очень велик.

Понятно, что многие из таких слов обозначают типичные восточные понятия. Но имеется и много слов более общего значения; так, тюркского происхождения, например, такие слова, как *башмак*, *кабан*, *колпак*, *кирпич*, *товар*, *чулан*, *казак*, *казан*, *курган*.

Нередко слово заимствуется не в том значении, которое оно имеет в языке-источнике. Например, слово *кавардак*, которое сейчас обозначает беспорядок, на самом деле вовсе не это значит по-турецки: там это обозначение некоего вида жареного мяса.

Очень часто турецкий или татарский оказываются, как и германский, передатчиками для других восточных языков, в частности, для такого огромного источника лексики всего востока, как арабский язык; другим таким первоисточником бывает персидский, реже китайский.

Таково, например, слово *арбуз*, которое пришло к нам из персидского через тюркское посредство.

Заметим, что такие слова лингвист может опознать как не собственно славянские, даже и не зная их происхождения. Так, слово *арбуз* имеет структуру, ненормальную для славянских языков: корень слова состоит из двух слогов, причем с необычным набором гласных.

На примере этого слова можно даже показать, как вообще лингвисты могут установить, что слово пришло, скажем, из турецкого языка в русский, а не из русского в турецкий.

Это типовая ситуация, которую полезно понимать. Принцип здесь всегда один и тот же: если слово исконное, то оно распадается на осмысленные части в рамках данного языка и имеет в нем родственные слова. Вот, например, в современном французском языке есть слово *закуски*. Это не очень, конечно, активное слово французского языка, но, тем не менее, оно существует. И можно было бы и здесь сказать: «Может быть, наше слово *закуски* заимствовано из французского? Почему нет, если по-французски и по-русски одинаково говорится: *закуски*?»

Ответ очень простой: *закуски* — русское слово, а не французское, потому что по-русски оно прекрасно делится на значимые части: приставка *за*, корень *кус*, суффикс *к*, окончание *и*. Каждая из них осмысленна и уместна. Для корня *кус* можно найти и другие слова, для приставки *за* есть масса других примеров, имеется огромное количество слов с суффиксом *к*. А во французском это слово выпадает из всех норм французского языка. Так французские слова не строятся, ничего похожего нет.

Вот главный критерий: в рамках одного языка слово является естественным, а в других языках оно целым рядом признаков выдает свою инородность и никаких родственных ему слов не находится.

То же и со словом *арбуз*. В персидском это *харбуза*, где *хар* это "осел", а *буза* — "огурец". Вместе получается "ослиный огурец", и, кстати, означает он там не арбуз, а дыню.

Среди слов восточного происхождения тоже немало таких, которые могут нас удивить. Нас не удивит, что слово *изумруд* иностранное: изумруд действительно не слишком часто встречается в русском быту. А вот слово *туман* на первый взгляд производит впечатление русского. Тем не менее, оно родилось в персидском языке, и там его звуковой состав имеет свои основания. Из персидского оно перешло в турецкий, а из турецкого в русский. Аналогичное происхождение имеют, например, *базар*, *амбар*, *чердак*.

Иногда бывают слова обманные. Лингвистически неинтересно в этом смысле слово *изъян*. Оно обозначает некоторый дефект, недостаток и звучит очень по-русски: что-то изъяли из какого-то предмета или из некой нормы и тем самым он оказался предметом с изъяном. Оказывается, однако, что это вовсе не русское слово, а заимствование из персидского — либо прямое, либо через посредство турецкого.

В персидском это слово с несколько иным порядком фонем: *зиян*; оно означает "недостаток, порок" и вполне выводимо из иранского лексикона. А *изъян* — это форма, которую *зиян* принял в русском языке, то есть слово подверглось некоторому изменению, придавшему ему осмысленность. В самом деле, *зиян* ничего не говорит русскому уху, а *изъян* это уже почти понятно, тем более что уже смысл готов — это "недостаток". Это то, что называется народной этимологией: народ несколько подправляет иностранное слово в сторону большей понятности.

Замечательно, что слово *зиян* в несколько менее явной форме имеется в русском языке еще в одном очень хорошо известном нам слове — *обезьяна*. *Обезьяна* — это арабско-персидское *абузиян*. Слово *зиян* имеет второе значение — "грех, порочное действие". А *абу* — это "отец". Так что обезьяна — "отец греха", по причинам вполне понятным.

Свои вклады в русскую лексику вносят и западные языки.

Первым по порядку оказывается ближайший к нам язык западного мира — польский. Это родственный язык, но он гораздо активнее, чем русский, впитал слова западных языков, во-первых, из-за близости к германскому и романскому миру, во-вторых, в силу католицизма. Так что польская лексика насыщена западными элементами несравненно сильнее, чем русская. Но многие из них перешли и в русский. Это произошло в XVI–XVII вв., в эпоху активного польского влияния. Масса новых слов вошла тогда в русский язык; в некоторых случаях польская форма непосредственно видна, в других она устанавливается только лингвистическим анализом. В большинстве случаев, впрочем, это не собственно польские слова, а слова, которые в свою очередь пришли из немецкого, а в немецкий — обычно из латыни. Или в польский они пришли из французского, но попали в русский язык уже в польской форме.

В этот ряд попадают, например, слова *рыцарь*, *почта*, *школа*, *шпага* — все они имеют в русском языке польскую форму. Скажем, в слове *школа* не было бы начального *шк*, было бы *скола*, если бы оно заимствовалось прямо из западных языков. Это эффект перехода через немецкий, который дает *ш* в польском, а из польского это *ш* переходит в русский.

Есть некоторое количество шведских заимствований, например *сельдь*, *селедка*. Одно из замечательных шведских заимствований — это слово *финны*. Потому что, как вы, может быть, знаете, финны не только не называют себя финнами, а, строго говоря, нормальный не очень обученный финн не может даже произнести этого слова, потому что в финском языке нет фонемы *ф*. Финны называют себя *суоми*; а *финны* — это название, которым их называли шведы. В шведском языке фонема *ф* есть, и она встречается часто. В шведском языке это осмысленное слово, со значением "охотники", "искатели" — от шведского глагола *finna* "находить" (= англ. *find*). Это слово вошло не только в русский язык, а во все языки мира, кроме финского. Так что страна называется шведским названием — это такой особо изысканный случай иностранного заимствования.

Следующий культурный и лексический натиск на русский язык совершил немецкий язык, в основном в XVIII, частично в XIX в. Правда, в петровское время — наряду с голландским. В частности, большинство морских терминов заимствовано из голландского языка — в соответствии с увлечениями Петра I и с его прямыми связями с Голландией, где он, как известно, даже поработал плотником. Слова *крейсер*, *скипер*, *флаг* — голландские. Таких слов несколько десятков.

Немецких слов еще больше, поскольку немецкое влияние было шире и длительнее. И опять-таки какие-то из них легко опознаются как немецкие, например *парикмахер*. Но есть и такие слова немецкого происхождения, которые вы никогда не опознали бы без специального анализа. Про слово *рубанок* решительно не приходит в голову, что это не русское слово: кажется, что он так назван, потому что им что-то *срубают* или *рубят*. На самом деле им делают нечто другое, тем не менее, мы воспринимаем это как вполне хорошее название. В действительности же это немецкое слово *Rauhbank* — "доска для зачистки".

Еще хитрее слово *противень*, на котором жарят. Совершенно русского вида слово. Но это немецкое *Bratpfanne* — "сковородка для жарки". Упрощаясь и русифицируясь, *Bratpfanne* дало не просто русское, а народное русское слово *противень*. Есть и вариант *протвень* — тоже не случайный и даже более старый.

Маляр, *танец*, *пластырь*, *солдат*, *аптека* и множество других — все эти слова пришли непосредственно из немецкого языка, но сейчас прижились очень хорошо.

Следующий, XIX в. дал обширный пласт французских заимствований. Многие из них вполне прижились, скажем *бутылка*, *журнал*, *кошмар*, *курьер*, *афера*.

Продолжая этот список, можно было бы привести еще и португальские, испанские, старые английские заимствования. А про новые английские и говорить нечего — вы сами, пожалуй, можете их назвать больше, чем лингвисты.

Вы видите, таким образом, насколько сильно на лексику языка влияют соседние языковые массивы. В частности, для русского языка эта история включает общение как минимум с двумя десятками языков. А если считать единичные случаи, то с дальними связями насчитаются еще десятки.

Перейдем теперь к следующей теме: поговорим о стилевых различиях внутри русского языка в разные моменты его истории. Оказывается, что и в этом отношении русский язык с древних времен находится в непростой ситуации.

Для всех языков с определенной культурной традицией нормально, что есть язык высокого стиля, воспринимаемый как более возвышенный, более очищенный, литературный. И далеко не всегда эта ситуация складывается одинаково. Так, есть языки, где в качестве высокого стиля используется один из вариантов, говоров, диалектов, существующих в пределах данного же языка, который по какой-то причине получил большой престиж. На территории Италии долгое время наиболее престижным считался говор Флоренции и, соответственно, тосканский диалект со времен Данте принимался за самую изысканную, высоко литературную форму речи на Апеннинском полуострове.

А в некоторых языках складывается ситуация, когда в качестве языка высокого стиля используется не свой язык, а некоторый иностранный. Иногда он может быть даже не родственным собственному, тогда это чистое двуязычие. Но чаще встречаются примеры такого рода с использованием другого языка, близкородственного тому, на котором говорит народ. В романском мире в течение всех средних веков в качестве высокого языка использовалась латынь, при том что собственные языки этих романских народов из латыни происходят и латынь им в какой-то степени близка. Не настолько, чтобы понимать, но, во всяком случае, у них масса общих слов.

Подобную роль в Индии играл санскрит. Его использовали наряду с теми языками, которые уже очень далеко ушли от санскритского состояния и использовались в бытовом общении. В сущности, нечто подобное есть и в нынешнем арабском мире, где существует классический арабский язык Корана, который уже сильно отличается от живых языков Марокко, Египта, Ирака. Высоким языком, который считается единственно пригодным для определенного типа текстов — религиозных, высокосторжественных, — остается для арабского мира классический арабский. А для бытового общения существует язык улицы.

Подобная ситуация была и в истории русского языка. Я привел иностранные примеры, чтобы показать, что это не уникальный случай, хотя, конечно, далеко не во всех языках ситуация однотипна. В истории русского языка с того времени, когда мы имеем дело со словом *русский*, существует и используется два славянских языка: собственно русский и церковнославянский.

Церковнославянский — это, в сущности, древнеболгарский язык, близкородственный, но всё же не тождественный русскому. Он был языком церкви и любого текста, от которого требуется стилистическая возвышенность. Это наложило отпечаток на дальнейшее развитие русского языка на протяжении всей его истории и продолжает в какой-то степени оказывать влияние до сих пор. Русский язык оказался как бы лингвистически раздвоен на то естественное, что возникало в бытовом, разговорном языке, и то, что соответствовало русским формам и синтаксическим оборотам в церковнославянском языке.

Самое броское различие вы, конечно, знаете: это так называемое полногласие и неполногласие. Полногласие — это *сторона, сторож, берег, голова* с *-оро-, -ере-, -оло-*, а неполногласие — *страна, страж, брег, глава*. Русская форма имеет здесь две гласных, а церковнославянская одну.

Сейчас мы с вами совершенно не воспринимаем слово *страна* как что-то нам чуждое. Это нормальная часть нашего с вами естественного лексикона. И для нас совершенно естественно сказать *глава книги*, и не приходит в голову, что это что-то навязанное. Нам не хочется говорить *голова книги*, точно так же, как мы не будем пытаться называть страну *стороной*.

Русский язык на протяжении своей истории впитал огромное количество церковнославянских слов, которые изредка значат то же самое, что в русском, но почти никогда на сто процентов. Иногда просто совсем не то же самое; так, *голова* и *глава* — это совершенно разные значения, они вполне могли бы называться словами, которые между собой вообще ничего общего не имеют.

В других случаях это всего лишь стилистический оттенок, но он отчетливо чувствуется. Скажем, *враг* и *ворог* — это, конечно, более или менее одно и то же по значению, однако в слове *ворог* имеется коннотация народности, фольклорности, поэтичности, которое в слове *враг* отсутствует.

Современный русский язык использовал эти церковнославянские единицы в качестве отдельных слов или отдельных вариантов слова и тем самым их уже освоил.

То же самое происходило в истории русского языка и с синтаксическими конструкциями. И тут надо сказать, что, поскольку на протяжении большей части истории русского языка литературным и высоким был именно церковнославянский, наш с вами литературный синтаксис гораздо более церковнославянский, чем русский.

Тут я действительно выражаю свое огорчение. Потому что ныне во многом утрачен тот подлинный народный русский синтаксис, который лучше всего виден на берестяных грамотах. Они как раз во многом именно тем и восхищают, что в них совершенно нет церковнославянских оборотов, — это чистый разговорный русский язык. В отличие от нашего с вами литературного языка. Русский литературный язык на каждом шагу пользуется синтаксическими приемами, которые в живом языке не встречаются, а идут из церковнославянского.

Это, прежде всего, практически все причастия: *делающий, делавший, видевший, виденный* и т. д. Единственное исключение составляют краткие формы страдательных причастий прошедшего времени. *Сделано* — это русская форма, *выпито* — это русская форма. А вот полная форма: *сделанный* — уже церковнославянская. И все причастия на *-ущий, -ющий* церковнославянские, что видно уже и из того, что там суффиксы *-ущ-, -ющ-*. Я не сказал об этом, но вы, наверное, и сами знаете про соотношение церковнославянского *щ* и русского *ч*. *Ночь, мощь* — церковнославянское, *ночь, мочь* — русское. Для *-ущий, -ющий, -ящий* русские соответствия, следовательно, были бы *-учий, -ючий, -ячий*. Они есть в русском языке, но по-русски это уже не причастия, а просто прилагательные: *кипучий, дремучий, стоячий, сидячий, лежащий*. Их значение близко к причастиям, но всё же не одинаково с ними. А настоящие причастия, которые можно использовать в синтаксисе именно как глагольную форму (и которые мы действительно научились применять как удобное синтаксическое средство, потому что они помогают нам, например, спастись от лишнего слов *который*), представляют собой церковнославянизм.

Менее известно другое явление этого рода. В бытовом разговоре мы часто отклоняемся от того, как мы должны были бы написать, если бы сдавали редактору свое литературное сочинение. И вы не получили бы одобрения, если бы в вашем школьном сочинении вы начали фразу так: *А знаете, что я вчера видел*. Между тем начальное *а* — это совершенно нормальная форма разговорной русской речи: *А вот что я вам скажу. А после этого было то-то и то-то*. В живой речи с *а* начинается едва ли не большинство предложений. И это ровно то, что мы наблюдаем в берестяных грамотах. Слово *а* в начале фразы означает примерно следующее: «Вот что я сейчас вам скажу». Но в нормах церковнославянского языка это слово отсутствовало. Церковнославянская норма его не только не употребляла, но и запрещала употреблять. То есть запрещала, конечно, не в смысле государственного эдикта, а в смысле редакторского давления, которое действует до сих пор. Редактор вам это *а* зачеркнет и сейчас.

Извините меня, это теперь устарело, редакторов сейчас почти нет. Но в недавнем прошлом редакторы были важнейшей частью любого издательского дела. Это сейчас масса книг выходит с чудовищными опечатками и огрехами всех родов, потому что их не редактировали вовсе; наступила новая эпоха с невнимательным отношением к качеству текста. Но еще сравнительно недавняя эпоха требовала фактически соблюдения церковнославянской нормы, хотя редактор, конечно, этого не знал. Эту норму соблюдает и русская литература, при том что те же самые авторы в бытовой речи, обращаясь к собственным детям или жене, говорили, конечно, нормальным русским языком, почти каждое предложение начиная с *а*.

Подобные детали показывают, что двусоставность русского языка, имеющего два источника: русский и церковнославянский, — выражается не только в выборе слов и в их формах, но и в синтаксисе. И русский литературный синтаксис тем самым заметно отличается от русского разговорного синтаксиса.

Недаром примерно лет 25 назад возникло новое направление в изучении русского языка — изучение русской разговорной речи. Для нее стали писать свои грамматики, ее стали описывать так, как если бы это был отдельный самостоятельный язык, с уважением к каждому элементу того, что реально слышится. Сама возможность и сама необходимость так к этому подходить в значительной степени является следствием вот этой древней ситуации, сложившейся в X в.,

тысячу с лишним лет назад, когда на Русь в качестве литературного и высокого языка пришел родственный, но другой язык — церковнославянский.

Перейду к следующему аспекту.

Это тот аспект истории русского языка, который имеет отношение к диалектам и говорам, к диалектному членению и взаимодействию. Традиционную схему в самом общем виде я вам изложил выше. Она состоит в том, что примерно в X в. имелся единый древнерусский язык, он же восточнославянский, из которого со временем путем разветвления, развития каких-то различий произошли три современных восточнославянских языка: русский, украинский, белорусский. А в каждом из этих трех языков по традиционной же схеме имеются еще более тоненькие ветви. В русском языке имеется, скажем, вологодский, архангельский, новгородский, курский говор, сибирские говоры и т. д. На Украине также можно выделить целый ряд говоров; то же и в Белоруссии. А внутри, например, блока вологодских говоров выделяются еще маленькие группки каких-то районов или даже иногда отдельных деревень. Вот такое дерево, которое ветвится от мощного ствола до самых мелких веточек в конце.

Такова простая традиционная схема. Но в нее, как я вас уже предупредил, придется вносить некоторые коррективы. В значительной степени эти коррективы возникли после открытия берестяных грамот.

Берестяные грамоты, которые в громадном своем большинстве происходят из Новгорода, показали, что в Новгороде и на окружающих его землях существовал говор, сильнее отличавшийся от остальных, чем представляли себе до открытия берестяных грамот. В нем даже некоторые грамматические формы были не такие, как в классическом известном нам из традиционной литературы древнерусском языке. И, конечно, были и некоторые свои слова.

При этом удивительное, неожиданное и непредсказуемое с точки зрения существовавших до открытия берестяных грамот представлений событие состояло в следующем: оказалось, что эти черты новгородского диалекта, отличавшие его от других диалектов Древней Руси, ярче всего выражены не в позднее время, когда, казалось бы, они могли уже постепенно развиваться, а в самый древний период. В XI–XII вв. эти специфические черты представлены очень последовательно и четко; а в XIII, XIV, XV вв. они несколько ослабевают и частично уступают место более обычным для древнерусских памятников чертам.

Точнее говоря, просто изменяется статистика. Так, в древненовгородском диалекте именительный падеж единственного числа мужского рода имел окончание *-е*: *скоте* — это новгородская форма, в отличие от формы традиционной, которая считалась общерусской, где то же самое слово имело другое окончание: в древности *-ь*, а ныне нулевое. Разница между общедревнерусским *скоть* и новгородским *скоте* обнаруживается с древнего времени. И ситуация выглядит так: в грамотах XI–XII вв. форма именительного падежа единственного числа мужского рода примерно в 97% случаев имеет окончание *-е*. А оставшиеся 3% легко объясняются некоторыми посторонними причинами, например тем, что фраза церковная. Отсюда можно заключить, что в древний период окончание *-е* было практически единственным грамматическим оформлением для именительного падежа единственного числа. А в грамотах XV в. картина уже существенно иная: примерно 50% *скоте* и 50% *скоть*.

Мы видим, таким образом, что черты древненовгородского диалекта с ходом времени частично теряют свою яркость. Что это значит и почему это была такая новость и неожиданность для лингвистов?

Это значит, что наряду с традиционной схемой, которая выглядит как разветвляющееся дерево, приходится признать в истории языков также и противоположное явление. Явление, состоящее в том, что нечто первоначально единое делится на несколько частей, носит название *дивергенции*, то есть расщепления, расхождения. Если же имеет место обратное явление, то есть нечто первоначально различное становится более похожим, то это *конвергенция* — схождение.

Про конвергенцию было мало что известно, и само ее существование в истории говоров и диалектов древнерусского языка практически никак не обсуждалось и не привлекало внимания. Поэтому свидетельства берестяных грамот оказались такими неожиданными. Если в древненовгородских берестяных грамотах XI–XII в. окончания типа *скоте* составляют 100%, а в XV веке — только 50%, а в остальных 50% выступает центральное (можно условно обозначить его как московское) окончание *скоть* — это значит, что происходит сближение говоров. Частичное сближение, новгородский говор еще не теряет совсем своих черт, но выражает их уже

непоследовательно в отличие от древности, когда это было последовательно. Мы видим типичный пример конвергенции, то есть сближение того, что первоначально было различным.

И это заставляет основательно пересмотреть традиционную схему того, как были устроены диалектные отношения Древней Руси. Приходится признать, что в X–XI вв., то есть в первые века письменной истории, на территории восточного славянства членение было вовсе не таким, как можно себе представить на основании сегодняшнего разделения языков: великорусский, украинский, белорусский. Оно проходило совсем иначе, отделяя северо-запад от всего остального.

Северо-запад — это была территория Новгорода и Пскова, а остальная часть, которую можно назвать центральной, или центрально-восточной, или центрально-восточно-южной, включала одновременно территорию будущей Украины, значительную часть территории будущей Великороссии и территории Белоруссии. Ничего общего с современным делением этой территории на три языка. И это было действительно глубокое различие. Существовал древненовгородский диалект в северо-западной части и некоторая более нам известная классическая форма древнерусского языка, объединявшая в равной степени Киев, Суздаль, Ростов, будущую Москву и территорию Белоруссии. Условно говоря, зона *скоте* на северо-запад и зона *скоть* на остальной территории.

Скоте и *скоть* — это одно из очень существенных различий. Было еще одно весьма важное различие, о котором я не буду сейчас говорить, потому что для этого потребовалось бы очень много времени. Но оно такое же основательное, и территориальное разделение здесь было точно такое же.

Может показаться, что северо-западная часть была маленькой, а центральная и южная часть — очень большой. Но если учесть, что в это время новгородцами уже была колонизована огромная зона севера, то на самом деле новгородская территория оказывается даже больше, чем центральная и южная. В нее входят нынешняя Архангельская область, Вятская, северный Урал, весь Кольский полуостров.

А что будет, если мы заглянем за рамки восточного славянства, посмотрим на западославянскую территорию (поляки, чехи) и южнославянскую территорию (сербы, болгары)? И попытаемся как-то продолжить в этих зонах обнаружившуюся линию разделения. Тогда окажется, что северо-западная территория противопоставлена не только Киеву и Москве, но и всему остальному славянству. Во всем остальном славянстве представлена модель *скоть*, и только в Новгороде — *скоте*.

Тем самым обнаруживается, что северо-западная группа восточных славян представляет собой ветвь, которую следует считать отдельной уже на уровне праславянства. То есть восточное славянство сложилось из двух первоначально разных ветвей древних славян: ветви, похожей на своих западных и южных родственников, и ветви, отличной от своих родственников, — древненовгородской.

Похожие на южно- и западославянскую зоны — это прежде всего киевская и ростово-суздальская земля; и существенно то, что при этом между ними самими для древнего периода мы не видим никаких существенных различий. А древняя новгородско-псковская зона оказывается противопоставлена всем остальным зонам.

Таким образом, нынешняя Украина и Белоруссия — наследники центрально-восточно-южной зоны восточного славянства, более сходной в языковом отношении с западным и южным славянством. А великорусская территория оказалась состоящей из двух частей, примерно одинаковых по значимости: северо-западная (новгородско-псковская) и центрально-восточная (Ростов, Суздаль, Владимир, Москва, Рязань).

Как мы теперь знаем, это и были в диалектном отношении две главные составные части будущего русского языка. При этом нелегко сказать, какая из этих двух частей в большей мере поучаствовала в создании единого литературного языка. Если считать по признакам, то счет оказывается примерно 50 на 50.

Как уже было сказано, центральные и южные говоры древнерусского языка отличались от новгородского рядом важных признаков, а друг от друга ничем существенным не отличались. Новые границы между будущей Великороссией и будущей Украиной вместе с Белоруссией в значительной степени совпадают с политическими границами Великого княжества Литовского в XIV–XV вв., когда экспансия Литвы привела к тому, что будущие Украина и Белоруссия оказались под властью Литвы. Если нанести на карту границы владений Великого княжества Литовского в XV в., это будет примерно та же граница, которая сейчас отделяет Российскую Федерацию от

Украины и Белоруссии. Но XV в. — это позднее время по отношению к нашему древнему членению.

Рассмотрим более конкретно ряд диалектных явлений и их соответствия в современном литературном русском языке.

Слова со структурой корня типа *целый*, с начальным *це-* (из прежнего *цѣ-*), характерны для центрально-восточного региона. На северо-западе эти корни имели начальное *ке-*. За этим стоит очень важное фонетическое явление, о котором можно рассказывать долго; но здесь я вынужден ограничиться простой констатацией данного факта. Другой относящийся к данной теме факт состоит в том, что на северо-западе говорили *на руке*, в то время как на востоке было *на руце*. Сейчас мы говорим *целый*, но *на руке*. Это не что иное, как соединение того *целый*, которое идет с востока, с тем *на руке*, которое идет с северо-запада.

Форма именительного падежа единственного числа мужского рода на северо-западе была *городе* (так же, как *скоте*). А на востоке она была *городъ*. Современная литературная русская форма, как мы видим, идет с востока.

Родительный падеж единственного числа женского рода: на северо-западе — *у сестре*, на востоке — *у сестры*. Литературная форма — восточная.

Предложный падеж: на северо-западе *в земле*, *на коне*, на востоке — *в земли*, *на кони*. Литературные формы — северо-западные.

Множественное число женского рода (возьмем пример с местоимением): на северо-западе — *мое корове*, на востоке — *мои коровы*. Литературная форма — восточная.

Бывшее двойственное число *два села* — это северо-западная форма. Восточная форма — *две селе*. Литературная форма — северо-западная.

Повелительное наклонение: северо-западное *помоги*, восточное *помози*. Литературная форма — северо-западная.

Третье лицо настоящего времени глагола: на северо-западе *везе*, на востоке — *везеть*. Литературная форма — восточная.

Повелительное наклонение: северо-западное *везите*, восточное — *везете*. Литературная форма — северо-западная.

Деепричастие северо-западное *везя*, восточное — *веза*. Литературная форма — северо-западная. Вы видите, что соотношение действительно примерно 50 на 50. Вот что в морфологическом отношении представляет собой наш современный русский язык. Это наглядный результат конвергенции двух основных диалектов — как будто картонная колода, где две половины колоды вставлены друг в друга.

Лингвистика в каких-то случаях может дать если не окончательный, то предположительный ответ, почему в отдельных пунктах побеждал северо-западный член пары, а в других восточный. Иногда может, иногда не может. Но это не самое существенное.

Существен прежде всего сам факт, что современный литературный язык очевидным образом соединяет черты древнего северо-западного (новгородско-псковского) диалекта и древнего центрально-восточно-южного (ростово-суздальско-владимирско-московско-рязанского). Как я уже говорил, до открытия берестяных грамот этот факт был неизвестен. Представлялась гораздо более простая схема ветвящегося путем чистой дивергенции дерева.

Отсюда вытекает, между прочим, весьма существенное для каких-то нынешних уже не лингвистических, а социальных или даже политических представлений следствие. Это то, что неверен популярный на нынешней Украине лозунг исконного древнейшего отличия украинской ветви языка от русской. Эти ветви, конечно, различаются. Сейчас это, безусловно, самостоятельные языки, но древнее членение проходило вовсе не между русским и украинским. Как уже было сказано, ростовско-суздальско-рязанская языковая зона от киевско-черниговской ничем существенным в древности не отличалась. Различия возникли позднее, они датируются сравнительно недавним, по лингвистическим меркам, временем, начиная с XIV–XV вв. И, наоборот, древние отличия между северо-западом и остальными территориями создали особую ситуацию в современном русском языке, где сочетаются элементы двух первоначально различных диалектных систем.